

◆ Пролог ◆

Никто не скажет, с каких пор у Шангу¹ пропало желание гулять по Нижнему Царству² в свободное от забот время. Десять лет прошло с тех пор, как истинная богиня осознала: она уже давно предпочитает любоваться падающими звездами в своем дворце, вместо того чтобы наведываться в мир людей.

Этим беззастенчиво пользовалась Юэми³, верховная богиня Звезд и Луны, страстно любившая драгоценности. Когда ей нечего было делать, она заглядывала в покои Шангу, набирала сокровищ и уносила их в свои владения. Шангу смотрела на это сквозь пальцы, словно не замечая, что Юэми превратилась в само воплощение зла. До тех пор, пока внимание негодницы не привлекло инжирное вино.

Название говорит само за себя — вино готовят на основе плодов священного фигового дерева. А дерево это — гордое и прихотливое — дает урожай раз в пятьдесят тысяч лет. Такой напиток опьяняет даже богов — великая редкость, настоящее сокровище.

Юэми знала толк в вине. Много лет подряд она ходила во двор инжирного бога и просила немного плодов, но опирающийся на посох старик каждый раз прогонял ее. На десятый год она не выдержала, ворвалась в его обитель и подожгла его посох, как факел. Заливаясь слезами, инжирный бог запричитал:

---

¹ Имя богини переводится как «глубочайшая древность» или «древнейшая». — *Здесь и далее примеч. пер.*

² Нижним Царством называется мир людей.

³ «Юэ» можно перевести как «луна», «ми» — «наполнять», «завершать».

— Ой-ой! Моя драгоценная Юэми, истинная богиня Шангу из года в год срывает все плоды. Молю, не нужно показывать свой нрав предо мной, простым полубогом! И не создавай проблем в стенах дворца Шангу! Напрасно ты говоришь, что я плохо стерегу деревья. Я прекрасно выполняю свою работу и больше десяти лет оберегаю сад! Вот только у меня и косточки не осталось...

Разгневавшись, непобедимая Юэми нагрязнула во дворец Шангу.

Не таясь, она обшарила сокровищницу и винодельню, но не нашла ни кувшина драгоценного напитка — и ни единого фигового плода. Переполошив дворцовую стражу, она предстала перед самой Шангу.

— Не стыдно? Воровать — это одно. Но грабить так нагло! Еще и на глазах у всей стражи.

Исполненная благочестия Шангу отставила чашку чая и с укором взглянула на Юэми.

— А чем ты лучше меня? За десять лет инжирный бог и зернышка в землю не посадил. И тебе хватает наглости меня обвинять?

Шангу прищурилась.

— Ты хочешь инжирного вина?

— И сколько вина ты готова мне дать за сотни тысяч лет дружбы? — с чувством собственного достоинства проговорила Юэми.

— Нисколько, — решительно ответила Шангу, готовясь выпроводить гостью. — Даже не мечтай. За десять лет я изготовила всего десять бочонков.

— Зачем вообще утруждать, если ты его не пьешь? — озорно спросила Юэми и вдруг заметила, что рассеянный взгляд Шангу был устремлен в сторону Персиковой долины. Тут ее озарило — не зря говорится: когда приходит счастье, оживляется ум, — и она бросилась к подруге.

— Куда это ты смотришь?

Шангу многозначительно вскинула бровь.

— К чему ты спрашиваешь?

Юэми застыла от удивления и дрожащей рукой указала на Персиковую долину.

— Это же не то, о чем я думаю, верно?

Бай Цзюэ¹ любит хорошее вино, особенно редчайшее инжирное.

— Верно, — спокойно ответила Шангу.

Юэми сначала чуть смутилась, но почти сразу поняла, что добилась своего.

Десять лет назад, в свой день рождения, Юэми — само воплощение доброты — встретила Бай Цзюэ, такого жалкого и несчастного, и привела к нему Шангу, чтобы та увидела все собственными глазами. Уходя, истинная богиня не проронила ни звука. Юэми подумала, что Бай Цзюэ совсем пропадет, но потом узнала, что Шангу все же решила позаботиться о нем.

Получается, Юэми стала свахой, а эти неблагодарные решили утаить от нее правду!

— Надо же, вы двое с виду такие учтивые и безупречные — а на деле та еще парочка истинных богов! Как ловко вы все скрывали!

Шангу, долгие годы любовавшаяся дождем из небесных тел в своем дворце Звездопада, снова обратила взор на Персиковую долину и проговорила:

— Не сердись. Ты все поняла раньше него.

Юэми не поверила своим ушам.

---

¹ «Бай» переводится как «белый, чистый». «Цзюэ» — «яшмовый брелок в форме неполного кольца» (отсылка к атрибуту власти), а также «кольцо на палец для стрельбы из лука» (отсылка к воинской доблести).

- Он не знает?
— Не знает.
— Но он получал твое вино?
— Получал. Каждый год.
— Он что, совсем глупый?

Инжирное вино — настоящее сокровище. Даже истинному богу непросто изготовить его — для этого требуется много, очень много божественной силы.

— Ну... Когда я отправляла вино Бай Цзюэ, то просила передать, что это — подарок Чжияна. Он не знает, что вино от меня.

В недоумении Юэми коснулась лба Шангу.

— С ума сошла? Тайно любишь его вот уже десять лет, столько сделала для него. Почему бы тебе не рассказать ему о своих чувствах?

Шангу покачала головой и со всей серьезностью проговорила:

— Этого недостаточно.

Она все смотрела в сторону Персиковой долины — туда, где, прислонившись к дереву, сидел истинный бог, темно-волосый красавец, не имевший себе равных ни в одном из Трех Царств².

— Недостаточно, — повторила Шангу, отвернувшись. — Думаешь, спустя десять лет я осмеюсь подойти и бросить ему в лицо тысячи лет ожидания?

Юэми тоже взглянула на Бай Цзюэ. Она понимала, о чем говорила Шангу.

Когда кто-то самозабвенно любит кого-то тысячи лет, и нескольких десятков тысяч вечностей в обители древних богов будет недостаточно, чтобы признаться в ответных

---

² Три Царства — это три мира в китайской мифологии: 1) мир богов; 2) мир бессмертных, демонов, духов и теней; 3) мир людей.

чувствах. Даже для такой могущественной истинной богини, как Шангу.

Он ей нравился... Возможно, она испытывала к нему нечто гораздо большее...

Юэми повернулась к Шангу, и взгляд ее смягчился. Такие глупые... Она очень волновалась за подругу.

Так и не заполучив инжирного вина, верховная богиня Звезд и Луны покинула дворец, но на ее губах играла затаенная улыбка.

Полмесяца спустя Нижнее Царство охватила смута. Как полагается, об этом доложил владыка Небесного Царства Мугуан¹. Юэми, отвечавшая за военные дела в Трех Царствах, выслушала доклад и тут же решила направить прошение Бай Цзюэ. Она сообщила, что в мире смертных начались беспорядки и он, как истинный бог, должен отправиться туда и совершить обход. Тридцать тысяч лет Бай Цзюэ было не до Нижнего Царства. Он не реагировал даже на уговоры Юэми: ее письма залетали в его обитель по три раза на дню и оставались парить в воздухе, как снежинки. Своим бездействием он обратил на себя внимание всех бессмертных, которые успели предположить, что в Трех Царствах воцарился хаос, а мир людей пал. Бездействовать дольше было нельзя, и на рассвете Бай Цзюэ безмолвно сошел в Нижнее Царство. У него был непростой характер — будь его воля, он никогда бы не удостоил вниманием обитель смертных.

Приняв облик бедняка, Бай Цзюэ отправился на восток, в столицу. По дороге он наблюдал за радостями земной жизни и попутно находил удовольствия для себя. Полмесяца спустя он прибыл в Чанъань² в самый разгар праздника фонарей³.

---

¹ Имя буквально переводится как «сумерки».

² Древняя столица Китая, ныне Сиань.

³ Проходит пятнадцатого числа первого лунного месяца.

Дома были украшены разноцветными огоньками, повсюду витало новогоднее настроение.

В обители древних богов тоже устраивают торжества, вот только Бай Цзюэ — один из самых уважаемых истинных богов. Все знают, как он надменен и холоден, никто не смеет веселиться в его присутствии. Потому-то последние несколько десятков тысяч лет — целая вечность — пролетели для него совершенно бессмысленно и скучно. Но теперь, спустившись в Нижнее Царство, он увидел, как повсюдулюдно и празднично, и, не сдержавшись, усмехнулся и покачал головой.

— Неудивительно, что многие тысячи лет не возвращаются домой — их очаровал этот бренный мир.

Свою задачу он выполнил — обошел все земные уголья. Насмотревшись на праздник, Бай Цзюэ уже собирался вернуться, как вдруг толпа взревела от смеха, и до него донесся давно знакомый властный голос:

— Хозяин, если ты снова проиграешь, все эти десять бочонков девичьего вина⁴ будут моими! И не смей жульничать — весь Чанъань наблюдает за тобой!

Спокойный взгляд Бай Цзюэ подернулся поволокой. Заложив руки за спину, он уверенно двинулся вперед сквозь толпу так решительно, что с каждым шагом его одежда трепетала на ветру.

Перед владельцем таверны стоял, также заложив руки за спину, высокий молодой мужчина с глазами красного феникса. Это точно была Шангу, переодетая в мужской костюм.

Бай Цзюэ привык видеть ее в легких платьях с длинными широкополыми рукавами. Такой она предстала перед ним впервые.

---

⁴ Рисовое вино, которое изготавливали при рождении девочки и хранили до ее свадьбы.

Бай Цзюэ никогда в этом не признался бы, но в тот момент он, истинный бог, едва не озарил толпу духовным светом, чтобы люди расступились и он наконец увидел ту, кто давно завладела его помыслами, — ту, которую он жаждал лицезреть всей душой.

Десять лет назад, когда Юэми отпраздновала свой день рождения, а Шангу вернулась в обитель древних богов, они периодически встречались, но никогда не оставались наедине — рядом всегда были другие небожители.

Гул человеческих голосов напоминал клочкотание кипящего котла. Неудивительно, в конце концов, это — мир смертных. Бай Цзюэ стоял рядом с небольшой таверной под названием «Циньчу». Над входом висела табличка «Наследие веков». Изнутри доносился целый букет пьянящих ароматов. А у порога выстроились в ряд десять покрытых пылью бочонков девичьего вина. Бай Цзюэ не сдержался и полной грудью вдохнул дивный запах.

Прислушавшись, он наконец понял, почему толпа так расшумелась.

Новогодние празднования совпали со столетием таверны «Циньчу». В честь этого хозяин достал десять бочонков девичьего вина и устроил соревнование: в течение десяти дней каждый винодел со всей Центральной равнины¹ мог принести напиток собственного производства — если он не уступал по качеству девичьему вину, винодел имел право забрать один драгоценный бочонок девичьего вина себе. Однако когда хозяин таверны «Циньчу» выставил награду и объявил о соревновании, в Чанъане появился прекрасный, как небожитель, юноша в одеждах династии Цзинь.

---

¹ Чжунъюань, историческая территория нынешней провинции Хэнань, западных районов Шаньдуна и южных районов Хэбэй и Шаньси.

Каждый день он приносил свое вино, и каждый раз напиток был уникальным — с невообразимо нежным вкусом и невероятно тонким ароматом. Очевидно, что этот незнакомец претендовал на то, чтобы забрать все десять бочонков девичьего вина.

Через несколько дней молва о молодом господине дошла даже до императорского двора. Наступил последний день соревнований — жители Чанъяня с нетерпением ждали, чем все закончится.

В столичных чайных собралось много молодежи из влиятельных домов, с виду ничем не отличавшейся от простолюдинов. На веселье приехали поглядеть даже члены императорской семьи.

Как и ожидалось, юноша в одеждах династии Цзинь принес вино. Едва увидев молодого красавца, похожего на призрака, пришедшего из времен Вэй-Цзинь², публика затрепетала. Глядя на него, все сразу решили, что он знатен, а потому с ним нужно обязательно завязать знакомство. Один за другим молодые господа посылали своих людей, чтобы побольше разузнать о загадочном незнакомце.

Владелец таверны «Циньчу» девять дней подряд пробовал самое разнообразное, но неизменно превосходное вино. Когда норовистый юноша выставил ему свои условия, он впечатлился и сказал с улыбкой:

— Молодой господин, если вы пришли с хорошим вином, не нужно прятать его. «Циньчу» стоит на этом месте вот уже целый век, ежели мне суждено проиграть, я с достоинством приму поражение.

Кончив говорить, он в нетерпении поглядел на пузатый сосуд в руках юноши и шагнул вперед, чтобы забрать его.

---

² 220–420 гг. н. э.

Бай Цзюэ тоже было любопытно, чем все закончится. Дело было в том, что это девичье вино ничуть не уступало самым изысканным напиткам богов. Более того, эти десять бочонков были гораздо лучше его собственных запасов (а он как никто знал в этом толк). Откуда у Шангу так много хорошего вина, чтобы состязаться с хозяином «Циньчу»? Да и вряд ли за девять дней в Нижнем Царстве нашелся бы напиток, который смог бы по всем качествам превзойти девичье вино.

Под пристальными взглядами столичных жителей юноша с мимолетным сожалением взглянул на бочонок в своих руках — пять тысяч лет выращивать плоды для вина, только чтобы после отдать его смертным! Внезапно он подбросил его вверх, драгоценный сосуд закружился, печать сорвало порывом ветра, и он упал обратно в руки владельца. Воздух наполнился невероятным букетом кружащих голову пьянящих ароматов.

Оглядевшись, Бай Цзюэ заметил, что люди охмелели. Теперь-то он понял, что это было инжирное вино! В обители древних богов инжир достать не так просто — на это могут потребоваться тысячелетия. За последние десять лет вино из инжира готовил только Чжиян. Откуда оно у Шангу?

— Господин, прошу, попробуйте! Это — инжирное вино. Быть может, оно лучше вашего девичьего вина?

Шангу уверенно ступила навстречу хозяину и гордо протянула ему бочонок.

Владелец таверны «Циньчу» всегда был жаден до вина — едва учуяв дразнящий аромат инжира, он замер от волнения. Вне себя от радости, он было потянулся, чтобы пригубить напиток, как вдруг подумал о чем-то и спросил:

— Вспомнил я тут кое-что. Поможет ли мне молодой господин разобраться?

— И в чем же дело?

— Десять лет назад — семья Чжао из Гуаньси. Девять лет назад — семья Бай из Южной Шаньси. Шесть лет назад — род Ху из Мобэя. Три года тому назад — семья Лю с Центральной равнины. Некогда они состязались за лучшее вино, но каждый раз появлялись незнакомцы с напитком в разы вкуснее. Осмелюсь спросить: не связан ли с ними молодой господин родственными узами?

За последние десять лет принадлежащие императорской фамилии винодельни, включая «Циньчу», изрядно обеднели из-за тех «незнакомцев». Очевидно, что молодой господин — в силу своего возраста — не мог быть одним из них, однако он наверняка был связан с ними.

Едва услышав слова владельца таверны, народ ошарашенно загудел. Все взгляды устремились на загадочного юношу. Каждый задавался вопросом: какая семья была столь искусна в приготовлении вина?

Шангу растерялась — она уже много лет принимала участие в винных состязаниях и не ожидала, что смертные раскроют ее тайну.

— Хозяин! Сегодняшнее состязание — только наше дело! К чему приплетать к нему былое? — отрезала Шангу и нетерпеливо махнула рукавом, слегка разбрызгав напиток. — Так ты будешь пробовать инжирное вино или нет?

— Ах! Да, конечно! Конечно!

Владелец «Циньчу» заметил, как несколько капель пролилось на землю, и его сердце чуть не остановилось от горя. Он поспешно протянул руки.

— Сяолао-эр¹ не терпится попробовать!

Но не успел старик прикоснуться к бочонку, как кто-то уверенно выхватил его из рук Шангу. Винодел подпрыгнул

---

¹ «Я», употребляется пожилыми людьми при обращении к вышестоящим.

от испуга, затем поднял голову, рассерженно сверкнув взглядом, — и оцепенел.

Совершенный в своей красоте простолюдин с великолепными черными глазами феникса — даже в подпоясанном крестьянском халате чанпао¹ он казался образцом изящества, — вмиг оказавшийся рядом с юношей в одеждах династии Цзинь, тонкими пальцами выхватил кувшин с вином и обратил взор на хозяина таверны «Циньчу».

— Мой цзя-ди² еще молод и ничего не смыслит в жизни. Не стоит разбрасываться семейным сокровищем. Мы проиграли.

Слегка кивнув владельцу таверны, он одной рукой прижал к себе кувшин инжирного вина, второй потянул Шангу за собой, и они вышли из толпы. Уверенная поступь Бай Цзюэ выдавала благородное происхождение, и стоящий на его пути люд покорно расступался.

Владелец таверны смотрел вслед удаляющимся братьям, испытывая одновременно и радость — он все же смог сохранить драгоценное семейное вино, — и сожаление: редчайшее, сладчайшее инжирное вино ушло прямо из-под носа! (Прожить такую долгую жизнь, да так и не попробовать хоть каплю...)

Бай Цзюэ и Шангу, словно воспарив над миром, растворились в оживленных улочках Чанъаня, оставив позади озирающихся зевак и богатеньких отпрысков сильных мира сего.

Шангу настолько растерялась, что даже не заметила, что ее стремительно уводили подальше от таверны «Циньчу». Наконец она пришла в себя и с любопытством взглянула на ладонь, сжимавшую ее руку. Теперь-то этот болван понял, что инжирное вино — ее рук дело? Правильно ли он истолковал ее намерения? Хватит ли ей смелости признаться в своих чувствах? Что она скажет, когда он обернется? Если это

---

¹ Длинный мужской халат, обычно одежда простолюдинов.

² «Мой младший брат» (разг.).

произойдет неожиданно, какой будет ее реакция? Следует ли вести себя сдержанно? Или нужно быть смелее? Может, в столь благоприятный день стоит просто вернуться во дворец и заняться своими делами?

Тысячи мыслей пронеслись в голове прожившей сотни тысяч лет истинной богини за эту короткую прогулку, но лицо ее оставалось безмятежно спокойным.

Пройдя половину Чанъаня, Шангу почувствовала, как сжимающая ее ладонь стала горячее, а Бай Цзюэ вдруг осознал, что держит за руку истинную богиню. Наконец он остановился, обернулся и, высоко подняв голову да горделиво выпятив грудь, сказал:

— Безобразие! Инжирное вино — продукт, сотворенный божественной силой Чжияна, а ты используешь его, чтобы соревноваться со смертными! Позволив человеку сделать всего глоток, ты продлишь ему жизнь на сотню лет, а если он выпьет слишком много — станет и вовсе бессмертным! Ты посеешь хаос не только в круговороте жизни и смерти, но и в обители древних богов! Ты правила Тремя Царствами десятки тысяч лет. Как можешь ты вести себя словно малое дитя?

Говоря это, он несколько раз оправил измявшиеся одежды Шангу.

Бай Цзюэ всегда был сдержан и спокоен. Даже когда он упрекал Шангу, выражение его лица оставалось мягким. Но теперь Шангу заметила то, чего раньше не видела, — заботу, сквозившую в его покровительственном тоне и даже в прикосновениях.

Шангу ожидала услышать от Бай Цзюэ что угодно, но только не это — и внимала его словам с нескрываемой радостью в сердце. Она мягко потянула его за рукав: из уважаемой хозяйки Царства Бессмертных она вдруг превратилась в ровнистую и совершенно очаровательную наивную девчонку.